

пошлого мира восклицает: «Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума» [6, 331].

Итак, Чехов часто критиковал, в отличие от Льва Толстого и Флобера, тургеневских женщин за их «претензию не по чину». Отдал должное их идеальности в некоторых своих произведениях: «В Ландо», «Дом с мезонином», «Рассказ неизвестного человека» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. / А.П.Чехов. – М.: Наука, 1977. – Т.5. 519с.
2. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И.С.Тургенева / Г.Б. Курляндская. – Орел: Изд-во гос. телерадиовещат. компании, 1994. – 343 с.
3. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 28 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1964. – Т.VIII. – 520с.
4. Чудаков А.П. Мир Чехова: возникновение и утверждение / А.П. Чудаков. – М.: Советский писатель, 1986. – 350 с.
5. Тюхова Е.В. «Дворянское гнездо» Тургенева и «Дом с мезонином» Чехова (К вопросу о традициях) / Е.В. Тюхова // Спасский вестник. – 2003. – № 7. – С. 30-37.
6. Флобер Г. О литературе, искусстве в писательском труде. Письма, статьи в 2-х томах / Г. Флобер. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.2. – 500 с.

УДК 811.161.1'37'367'373.7,821.161.1Г-3.08

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОГОЛЕВСКОЙ АФОРИСТИКИ

Томилина Г.Я., к. филол. н., доцент

Запорожский национальный университет

Статья посвящена изучению семантической и функциональной характеристики афоризмов гоголевского творчества.

Ключевые слова: афоризм, рациональный, парадоксальный, семантика, функция.

Томилина Г.Я. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ТА ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ГОГОЛІВСЬКОЇ АФОРИСТИКИ / Запорізький національний університет, Україна.

Стаття присвячена вивченню семантичної та функціональної характеристики афоризмів гоголівської творчості.

Ключові слова: афоризм, раціональний, парадоксальний, семантика, функція.

Tomilina G.Y. STRUKTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF GOGOL APHORISTIC / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

The article is devoted to the study of semantic and functional description of Gogol creation aphorisms.

Key words: aphorism, rational, paradoxical, meaning, function.

Интерес к авторской афористике в русском языкознании все более возрастает. Гоголевская афористика – замечательный феномен духовной культуры русского народа. За последнее десятилетие вышли в печати как универсальные словари крылатых фраз-афоризмов [1], так и словари афоризмов отдельных писателей [2].

Целью данной статьи является лингвистический анализ афоризмов Гоголя, отражённых в его прозаических и драматических произведениях [3].

Вслед за авторами «Словаря крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [4,118] в составе гоголевской афористики выделяем такие разновидности:

1. Гоголевские крылатые фразы-афоризмы: *Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь* (Мертвые души, I).
2. Гоголевские выражения полуфразеологического типа: *Как отвратительна действительность...и что она против мечты* (Невский проспект).

3. Цитаты из произведений писателя (описательно-бытового или поэтического характера): ...*Рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином* (Мертвые души, II).
4. Обороты фразо-перифрастического характера: *мышинный жеребчик* (Мертвые души, I).
5. Крылатые выражения-фразеологизмы: *из прекрасного далека* (из заграницы) (Мертвые души, I); *живой как жизнь* (о русском языке) (Мертвые души, I).

Гоголевские слова-образы, слова-символы: медведь (о Собакевиче), дубинноголовая (о Коробочке) (Мертвые души, I) в состав афористики не включаем, хотя в семантическом плане они примыкают к афоризмам.

Афоризмы писателя, представляющие предмет паремиологии, различаются своей стилистической тональностью:

- а) книжной: *Майский день, именины сердца* (Мертвые души, I);
- б) поэтической: *Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека* (Мертвые души, I);
- в) разговорной: *Вона! Пошла писать губерния!* (Мертвые души, I);
- г) просторечной: ...*Земляника – совершенная свинья в ермолке* (Ревизор).

Иногда особое употребление, контекст вызывают снижение стилистической окрашенности: Из окон второго и третьего этажа иногда высывались *неподкупные головы жрецов Фемиды* и в ту же минуту прятались опять, вероятно в то время входил в комнату начальник (Мертвые души, I).

В гоголевской афористике, как и в языке писателя в целом, живая народная речь тесно взаимодействует с книжной: «Позвольте узнать, здесь крепостная экспедиция?» сказал Чичиков. «Здесь», сказал Иван Антонович, поворотил своё *кувшинное рыло* (о лице) и приложился опять писать (Мертвые души, I). Подобное сочетание противоположных языковых стихий становится основной движущей силой новаторства писателя: Нет, просто не приберешь слова: *галантёрная половина человеческого рода*, да и ничего больше (слова Чичикова о женщинах) (Мертвые души, I).

Важную роль в гоголевских произведениях играют ключевые афоризмы, тесно связанные с их идейной направленностью и особенностями индивидуального стиля автора. В поэме «Мёртвые души» ключевой афоризм вынесен писателем в заглавие. *Мёртвые души* – реальный товар, хотя и более дешёвый из-за их второсортности. Однако эта формула в поэме имеет и несколько иную грань: люди, скупающие «мёртвых душ» и продающие их, оказываются гораздо мертвее тех умерших крестьян – богатыря Степана Пробики, сапожника Максима Телятникова, Григория Доезжая-не-доедеш и других.

В повести «Тарас Бульба» ключевой афоризм *Нет уз святее товарищества* выражает отношение родственного братства в среде запорожских казаков, когда люди рождаются по душе, а не по крови, когда в борьбе с врагами узнается подлинная цена жизни и смерти запорожцев.

В повести «Шинель» это *вечный титулярный советник*. Но ещё сильнее тема маленького человека, поставленная впервые в русской литературе А.С. Пушкиным, звучит в словах Башмачкина «*Я брат твой. Зачем вы меня обижаете?*».

В повести «Невский проспект» два ключевых афоризма (в самом начале и в конце произведения), образуя рамочную конструкцию, выступают как тезис и антитезис: I. *Нет ничего лучше Невского проспекта...*; II. *Он лжёт во всякое время этот Невский проспект...*

В «Записках сумасшедшего» ключевой гоголевский афоризм *Мартобря 86 числа* даёт ироническую характеристику бредовых идей, в которой смех писателя соединяется с горечью и сочувствием персонажу повести Башмачкину, психически больному человеку.

Вслед за А.А. Шармановой среди гоголевских афоризмов выделяем на основе их семантики две разновидности: рациональные и парадоксальные [5,458]. Первые представляют реальное отражение окружающей действительности в человеческом сознании. Среди них представлены логические афоризмы, включающие компоненты в прямом значении: *Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Мёртвые души, I) и образные, основанные на переносном употреблении слов: Он да ещё вице-губернатор – это *Гога и Магога* (высказывание Собакевича о губернаторе и вице-губернаторе) (Мёртвые души, I).

Образные афоризмы включают различные тропы:

- а) метафору: ...*Каркнет само за себя прозвище во всё своё воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица* (Мёртвые души, I);
- б) сравнение: *Право, у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа* (реплика Собакевича при совершении сделки) (Мёртвые души, I);

в) метонимию: *Пошла писать губерния* (Мёртвые души, I);

г) гиперболу: *шаровары шириной с Чёрное море* (Тарас Бульба);

д) синекдоху: *...А больше всего береги и копи копейку, эта вещь надёжнее всего на свете* (Мёртвые души, I);

е) иронию: *«Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует»* (слова Собакевича) (Мёртвые души, I).

Некоторые афоризмы приобретают символическое значение: *Иван Иванович и Иван Никифорович* – символ ссоры из-за ерунды (Повесть о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович); *Неуважай-Корыто* – символ грубости и бескультуры (Мёртвые души, I); *У вас, что ни слово, то Цицерон с языка слетел* (об Аммосе Федоровиче Ляпкине-Тяпкине (Цицерон – символ красноречия) (Ревизор).

Парадоксальные афоризмы в творчестве Гоголя отражают реалии бытия, которые передают представления, противоречащие здравому смыслу. Они характеризуются такими особенностями:

1. Нарушается логика изложения: *Да благословит вас бог, а я не виноват* (слова Городничего) (Ревизор). Выражение употребляется как шутливый отказ на предложение принять участие в чем-либо.
2. Персонаж откровенно признаётся в собственной глупости: *У меня лёгкость необыкновенная в мыслях* (реплика Хлестакова) (Ревизор).
3. Ошибка при чтении вызывается неразборчивым почерком: *Евдокия обмокни* (Тяжба). Первое слово обозначает имя, которое героине следовало написать, а второе – то, что получилось [6,176].
4. Персонаж произносит заведомо лживые фразы, прямо противоположные своим поступкам: Обязанность для меня дело святое, закон – я немею перед законом (слова Чичикова) (Мёртвые души, I).
5. В основе высказывания героя произведения лежит ложное суждение: *Правильно писать может только дворянин* (реплика Поприщина) (Записки сумасшедшего).
6. Алогичность крылатой фразы-афоризма проявляется в том, что делается неверный вывод из основного тезиса: ...Он говорит, что в детстве мамка его ушибла и с тех пор от него отдаёт немного водкой (реплика Ляпкина-Тяпкина) (Ревизор).
7. Эмоции не должны быть чрезмерными, такими, что помешают процессу общения: *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?* Эти слова Городничего об учителе, который, рассказывая об Александре Македонском, хватил стулом об пол, стали крылатыми (Ревизор).
8. Афоризм включает рассказ персонажа о сновидении, содержание которого перекликается с реальными событиями: Какие-то две необыкновенные крысы ... Пришли, понюхали и пошли прочь (слова Городничего) (Ревизор).
9. Афоризм включает наименование фантастического существа: *Женщина влюблена в чёрта* (Записки сумасшедшего).
10. Крылатое изречение строится на хвастливом высказывании действующего лица, которое заведомо ложно: *Иван Александрович, ступайте департаментом управлять* (реплика Хлестакова) (Ревизор).
11. Персонажу при обращении к нему приписываются совершенно отсутствующие у него высокие моральные качества: Ради бога, добродетельная Солоха (Ночь перед Рождеством).
12. В основе афоризма лежит парадоксальное суждение: Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было (слова Городничего) (Ревизор).
13. Высказывание персонажа основывается на гиперболе: *Тридцать пять тысяч курьеров* (реплика Хлестакова) (Ревизор).
14. Каламбур, лежащий в основе крылатой фразы-афоризма, базируется на различных значениях много слова: Ноздрёв был исторический человек (Мёртвые души). Прилагательное исторический мотивируется существительным история в двух значениях: 1) наука; 2) неприятный случай. Данный контекст реализует второе значение.
15. В высказывание персонажа вставляются слова, ослабляющие, изменяющие его основной смысл. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем (реплика Анны Андреевны, жены Городничего) (Ревизор).

16. Афоризм строится как фраза персонажа, обозначающая невозможное, абсурдное действие: *Унтер-офицерша* нагала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей богу врёт. Она *сама себя высекла* (Ревизор). Обычно цитируется в виде *Унтер-офицерская вдова сама высекла*. Вследствие трансформации крылатой фразы возникло выражение *высечь самого себя* [5,561].
17. Афоризм отражает утрату временной ориентации персонажем вследствие его психической болезни: *Мартбря 86 числа* (Записки сумасшедшего). Эта фантастическая дата характеризует полную бессмыслицу, бредовые идеи [6,312].
18. Афоризм создаётся в результате мыслительной трансформации глагола-сказуемого в антонимический ему по значению. *Все как мухи выздоровливают* (вместодохнут) (слова Земляники, попечителя богоугодных заведений, о больных) (Ревизор).
19. Немотивированно употребляются однородные сказуемые: *Вчерашнего дня случилась за городом драка – поехал туда для порядка, а возвратился пьян* (о частном приставе Прохорове) (Ревизор).
20. Процесс художественного творчества писатель изображает явление параллельного мира, происходящее независимо от сознания: *Кто-то незримый пишет передо мной могущественным жезлом* (Письмо В.А. Жуковскому 12 ноября 1836 г.).
21. Афоризм строится на оксюмороне: *Установился странный беспорядочный порядок* (Мёртвые души, II).
22. Сказанное персонажами подтверждает абсолютное отсутствие у них мыслей: *- Э – сказали мы с Петром Ивановичем* (реплика Бобчинского и Добчинского) (Ревизор).
23. Гоголевский афоризм-фразеологизм выражается собственным именем с частями, логически не совместимыми: *Неуважай-корыто, Григорий Доезжай-не-доедешь* (Мёртвые души, I).

Афоризмы в произведениях строятся по модели словосочетания: *дама приятная во всех отношениях, Русь-тройка*; к ним примыкают обороты фразо-перифрастического характера: *заехать к Сопикову и Храповицкому, кропатели мертвых бумаг* (Мёртвые души) и предложений: *Кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь* (Мёртвые души). Среди афоризмов первой разновидности представлены глагольные ФЕ: *срывать цветы удовольствия* (Ревизор) и субстантивные: *старосветские помещики* (Старосветские помещики), *из своего прекрасного далёка* (Мёртвые души). Являясь номинативными единицами языка, они противопоставляются коммуникативным, которые особенно разнообразны. Среди афоризмов коммуникативного типа представлены простые двусоставные предложения: *В одном департаменте служил один чиновник* (Шинель) и различные виды односоставных предложений: *определённо-личные: Подумайте не о мёртвых душах, а о своей живой душе*; *обобщённо-личные: Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой* (Мёртвые души); *неопределённо-личные: Пришли, понюхали и пошли прочь* (Ревизор); *безличные: Нет уз святее товарищества* (Тарас Бульба); *инфинитивные: А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* (Ревизор); *номинативные: Сорочинская ярмарка* (одноимённая повесть).

Гоголевский афоризм иногда имеет форму вокативного предложения: *О моя юность! О моя свежесть!* (Мёртвые души, I).

Значительно реже крылатая фраза-афоризм строится по модели сложного предложения: сложносочинённого: *Толкуют просвещение, просвещение, а это просвещение – фук!* (слова Собакевича) (Мёртвые души); сложноподчинённого: *Здесь ли в тебе [в Руси] не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца* (Мёртвые души); бессоюзного сложного: *Тоненькие служат большие по особенным поручениям, или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно* (Мёртвые души, I).

Единичными примерами представлена сложная синтаксическая конструкция: *Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовётся слово британца; лёгким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё не всякому доступное умно-художцавое слово немец, но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово* (Мёртвые души, I). Как афоризм чаще функционирует последняя часть, начинающаяся словами «...нет слова...» В качестве афоризма может выступать даже сверхфразовое единство (или его часть): *Прометей, решительный Прометей!* Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орёл, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет (Мёртвые души, I). Чаще цитируется первая часть.

Гоголевский афоризм может употребляться в неизменном виде: *Галантерейное, черт возьми, обхождение* (слова Осипа, слуги Хлестакова) (Ревизор).

В афоризм может превратиться часть гоголевской фразы: Кто бы крикнул душе пробуждающим криком *это бодрящее слово вперёд?* (Мёртвые души, I).

Афоризм в гоголевском тексте может становиться прямой речью: «Вона! *Пошла писать губерния!*» проговорил Чичиков (Мёртвые души, I).

В афоризм может превращаться отдельный член предложения: Именины его бывают *на Антона... и на Онуфрия* (обстоятельство времени) (Ревизор). Так иронически говорится о том, кто в корыстных целях отмечает дважды какое-либо событие, дважды получает плату за что-либо и т.п. Восходит крылатая ФЕ к словам купцов, жалующихся Хлестакову на Городничего [6,347]. Иногда афористическое употребление содержит своеобразный намёк: *другое-третье* – это авторский намёк на интимные отношения. Рассказывая о дамах города N, Гоголь иронически замечает: Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называют *д-р-у-з-о-е т-р-е-м-ье*, то оно происходило втайне, так что не было подаваемо никакого вида, что происходило... (Мёртвые души, I).

Функции гоголевских афоризмов разнообразны:

1. Номинативная: *значительное лицо* (Шинель), *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* (Старосветские помещики).
2. Образная, или поэтическая, функция: *Эх, тройка! птица-тройка! Кто тебя выдумал? Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёмья?* В этой замечательной гоголевской птице-тройке, заключены и мечта о лучшей доле русского народа, и полёт фантазии, и тоска русской души, и глубокая любовь к России.
3. Оценочная функция. Многие афоризмы писателя выражают положительную оценку: *Чуден Днепр при тихой погоде* (Страшная месть) или отрицательную, которая может выражаться непосредственно в авторском повествовании: *Итак, припряжём подлеца* (Мёртвые души, I) или же в высказываниях персонажей, например, *сконпель истоар* (буквальный перевод французской фразы «что называется история»: «Позвольте же, позвольте же только рассказать вам..., душенька Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, *сконпель истоар*...В этом афоризме Гоголь резко осмеивает французски-нижегородское, словоупотребление представителей светского общества.
4. Функция лаконизации проявляется в необыкновенном умении писателя просто и кратко сказать о сложном явлении или событии: *Немая сцена* (Ревизор); *Чему смеетесь? Над собою смеётесь* (Ревизор).
5. Характерологическая функция: *И веревочка в дороге пригодится* (слова Осипа) (Ревизор); *дама, приятная во всех отношениях* (Мёртвые души)).
6. Создание речевой характеристики: Да, не нашему брату чета! *Государственный человек* (Поприщин о начальнике) (Записки сумасшедшего).
7. Функция обобщения, типизации: *Ноздрев долго не выведется из мира* (Мёртвые души, I).
8. Функция интенсификации: *Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Мёртвые души, I).
9. Фатическая функция, которая проявляется в афоризмах, характеризующих завязывание, продолжение и прекращение коммуникации: «А, *херсонский помещик, херсонский помещик!*» - кричал он [Ноздрёв], подходя и заливаясь смехом (Мёртвые души).
10. Экспрессивная функция: *Майский день, именины сердца* (слова Манилова при встрече с Чичиковым).
11. Функция комического, которая реализуется в юморе: «*Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек*» (слова супругов Маниловых, обращенные друг к другу) (Мёртвые души); иронии: *гоголевский Петрушка*, лакей Чичикова, о котором писатель замечал: «Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше само чтение, или лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз «чорт знает что и значит» (Мёртвые души, I); сарказме: *Борзыми щенками братъ*. Судья Ляпкин-Тяпкин в оправдание своего взяточничества говорит, что берёт он не деньгами, а натурой: «Грешки, грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? *Борзыми щенками*. Это совсем иное дело. Но Городничий на это отвечает: «Ну, щенками или чем другим – всё взятки» (Ревизор).
12. Жанрово-стилистическая функция: *Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове дорога* (Мёртвые души); *И какой же русский не любит быстрой езды?* (Мёртвые души). Оба афоризма создают лирическое повествование.
13. Апеллятивная функция, которая нередко характеризуется обращением: *Эх тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?* (Мёртвые души, I).

14. Магическая функция: *Но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго* (Заколдованное место).

Гоголевская афористика занимает значительное место в современной русской паремиологии. Афоризмы писателя отражают две важнейшие особенности его творчества – сатиру и лиризм. О рациональные, и парадоксальные гоголевские афоризмы вполне актуальны: это доказывается их активным употреблением в современной публицистике. Дальнейшее изучение афоризмов писателя предполагает исследование различных видов их трансформации как в гоголевских произведениях, так и в современной литературе и публицистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.
2. Мокиенко В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1949.
4. Козырев В.А. Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 285 с.
5. Шарманова Н.М. Інноваційні теоретичні засади сучасної афористики / Н.М. Шарманова // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы II Международной научной конференции. – Днепропетровск: Пороги, 2005. – С. 455-459.
6. Ашукин Н.С. Крылатые слова / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: ГИХЛ, 1955. – 666 с.

УДК 821.161.1Ц–2.09

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЮЖЕТОВ И ОБРАЗОВ В ДРАМАТУРГИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ 1918–1919 ГГ.

Тонких И.Ю., соискатель

Запорожский национальный технический университет

Статья посвящена идентификации основных форм и способов трансформации традиционных сюжетов и образов в цикле пьес «Романтика» (1918–1919 гг.) М. Цветаевой. В частности, рассматриваются такие формы и способы, как синтез традиционных сюжетов различного происхождения, радикальная смена структурно-семантических доминант, дописывание традиционного сюжета.

Ключевые слова: традиционный сюжет, традиционный образ, трансформация, структурно-семантические доминанты, драматургия.

Тонких І.Ю. ФОРМИ І СПОСОБИ ТРАНСФОРМАЦІЇ ТРАДИЦІЙНИХ СЮЖЕТІВ І ОБРАЗІВ У ДРАМАТУРГІЇ М. ЦВЕТАЄВОЇ 1918–1919 РР. / Запорізький національний технічний університет, Україна.

Стаття присвячена ідентифікації форм і способів трансформації традиційних сюжетів і образів у циклі п'єс «Романтика» (1918–1919 рр.) М. Цветаєвої. Зокрема, розглядаються такі форми і способи, як синтез традиційних сюжетів різного походження, радикальна зміна структурно-семантичних домінант, дописування традиційного сюжету.

Ключові слова: традиційний сюжет, традиційний образ, трансформація, структурно-семантичні домінанти, драматургія.

Tonkih I.U. THE FORMS AND MODES OF TRANSFORMATION OF TRADITIONAL PLOTS AND CHARACTERS IN M. TSVETAIEVA'S DRAMATIC WORKS OF 1918–1919TH / Zaporizhzhya National Technical University, Ukraine.

The article is devoted to identification of basic forms and modes of transformation of traditional plots and characters in the dramatic cycle “Romance” (1918–1919) of M. Tsvetaeva. In particular such forms and modes are examined as the synthesis of traditional plots and characters of different origin, radical changing of structurally-semantic dominants, writing in addition of traditional plot.

Key words: traditional plot, traditional character, transformation, structurally-semantic dominants, dramatic works.